

Н. В. Наливкина

СОПОСТАВЛЕНИЕ АЛЬ-КАЙДЫ С АНАРХИСТАМИ – ТОЧКА ЗРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРОЛОГИИ

Рассматривается концепция, которая появилась недавно в современной террорологии. Ряд авторов доказывают, что современные исламистские террористы подобны анархистам. Они длительное время ассоциировались с бомбами, произволом и действиями насилия. Это вызывает желание провести параллели между анархистами XIX и XX столетий и современными террористами. Статья профессора Джелвина располагает Аль-Кайду и подобные джихадистские движения в пределах категории анархизма. Другие исследователи осторожно относятся к такой точке зрения. Они критикуют некоторые положения, обращаются к историческим фактам. Задачей автора статьи стал анализ и критика слабых сторон этой концепции. Автор считает, что это прогнозирующее суждение было сформировано преждевременно.

Ключевые слова: террорология, терроризм, Аль-Кайда, анархизм, джихад, халифат, исламисты, партизаны.

В современной террорологии с недавнего времени появилась точка зрения, согласно которой Аль-Кайда и другие подобные джихадистские движения рассматриваются с позиций анархизма. Особое внимание такому трактованию исламистов уделяют Дж. Л. Джелвин (J. L. Gelvin) [1] и М. Торап (M. Thorup) [2]. Этот подход подвергся тщательному анализу и выявил ряд зарубежных исследователей: Р. Б. Дженсена (R. B. Jensen) [3], Л. Биндера (L. Binder) [4], Г. Эзенвейна (G. Esenwein) [5], которые подвергли критике некоторые теоретические выводы авторов. Но в целом эта позиция нашла сторонников, которые согласны с данной трактовкой, но указывают на ее погрешности и неточности, на которые мы обратим внимание в этой статье.

По мнению Дж. Джелвина, лидеры и сторонники Аль-Кайды, во-первых, отдают предпочтение действию, чем идеологии, во-вторых, их внимание направлено на сопротивление злу, как они это понимают, в-третьих, их слабость в выработке программных целей, в-четвертых, насилие является единственным средством борьбы, в-пятых, децентрализованность структуры организации, предпочтение полуавтономным ячейкам. Все эти признаки сближают Аль-Кайду с анархизмом. В отличие от других движений Аль-Кайда не является винтиком в границах международных государственных и экономических систем. Она скорее находится в состоянии войны с ними, как и анархисты, которые тоже боролись с системой. Джелвин отмечает, что нет большого различия между «бородатым с бомбой анархистом и одетым в белое и тоже бородатым с бомбой джихадистом Аль-Кайды» [1, с. 566]. В этом случае теракт 11 сентября вполне вписывается в общий список терактов, совершенных анархистами: «В начале 1880-х... международное сообщество считало анархизм как самую большую угрозу внутреннему политическому, экономическому порядку и международной стабильности» [1]. Автор обращает внимание в пер-

вую очередь на общее, что роднит анархизм с исламизмом, а не на их различия. Он акцентирует внимание на насилии. Оно было характерно как для анархистов, так и для боевиков Аль-Кайды.

Между 1894 и 1900 гг. анархистами были убиты: президент Франции Сади Карно, императрица Елизавета Австрийская, король Италии Умберто I. В 1901 г. анархистом был убит президент США Уильям Мак-Кинли. Это убийство произошло после волны анархистского терроризма в Европе. Подобными во многих отношениях по политическим и социально-экономическим были последствия теракта, совершенного Аль-Кайдой 11 сентября 2001 г.

«Анархизм в самом широком смысле является эпизодическим доводом (рассуждением). Другими словами, это способ осмысления мира, который обеспечивает его последователям руководство к действию, но иногда был воспринят политическими акторами в современном мире» [1, с. 566–567]. Джелвин придает особое значение трем пунктам соответствия Аль-Кайды анархистам:

1. Анархизм заявляет, что носит оборонный характер, т. е. защищается от системы. Те, кто читал заявления Аль-Кайды или смотрел видео (как отмечает Джелвин), могут заметить, что центральное место занимает борьба, самозащита исламского мира против сионистско-христианского заговора. Например, в документе «Письмо к Америке» (его авторство приписывается Усаме бен Ладену) на вопрос «Почему мы боремся и выступаем против Вас?» ответ очень прост: «Поскольку Вы напали на нас и продолжаете нападать. Вы напали на нас в Палестине, Вы напали на нас в Сомали; Вы поддержали российские злодеяния против нас в Чечне, индийское притеснение против нас в Кашмире и агрессию евреев против нас в Ливане. Под вашим контролем наши правительства – ваши агенты – нападают на нас. Эти правительства, используя насилие и ложь, препятствуют нашим людям установить Shari'a» [1, с. 568]. Для бен Ладена

и его сторонников всемирный заговор против ислама во главе с США является всего лишь последним нападением со времен Реконквисты. Согласно Айману Завахири, мусульмане находятся в грехе со времени падения в Испании до сегодняшнего дня, так как не выполнили свою обязанность – освобождение стран ислама от неверных. Лозунг защитного джихада против врагов ислама служит инструментом мобилизации в их борьбе. Джихад является обязанностью каждого мусульманина. Все религиозные ученые в исламской истории были согласны, что джихад – личная обязанность мусульманина, когда враг нападает: «Борьба против врага является самым мощным средством, способным защитить свободу и религию. После веры нет никакой больше обязанности, чем борьба с врагом, который развращает религию и мир. На этом основании и по повелению Аллаха мы объявляем всем мусульманам следующее послание: убивать американцев и их союзников – граждан, представителей вооруженных сил. Это обязанность каждого мусульманина во всех странах, чтобы освободить мечети Масджид аль-Акса и Купол Скалы от захватчиков, чтобы их армии оставили всю территорию ислама и были побеждены, сломлены и неспособны угрожать любому мусульманину» [1, с. 569].

2. Целью анархизма является уничтожение государственной системы. В самом широком смысле Аль-Кайда борется против международной системы, инструментом которой является сионистско-христианский альянс, созданный против ислама. В ООН сохраняется господство сионистско-христианского альянса. Запад все еще живет согласно доктрине расового превосходства и рассматривает другие народы с высоты и с презрением. Запад представляет власть, а другие народы являются низшими, тенями и остатками минувших веков, остатками колониальной системы. Таким образом, Запад институализирует системы, которые сохраняли бы подчиненность этих народов, установил ООН с тираническим правом вето следующих стран: Америка и Великобритания представляют протестантов, Россия представляет православных, Франция представляет католиков, Китай представляет буддистов и язычников мира. С другой стороны, исламский мир представлен больше, чем четвертью стран, входящих в ООН. Население в некоторых исламских государствах, например в регионе Пенджаба Пакистана, является большим, чем во Франции и Великобритании. Территория некоторых, например Дарфура в Судане, больше, чем Великобритания и Франция. Но эти страны не являются членами Совета Безопасности ООН. Например, Завахири обращает внимание на речь Т. Блэра. Он отмечает, что г-н Блэр, обращаясь к вопро-

сам политики по отношению к Боснии, Косово, Восточного Тимора, Сьерра-Леоне и т.д., не рассматривает действия Запада как нового империализма. «Мы вошли в эти страны, чтобы не эксплуатировать их экономически, но чтобы предотвратить террор, принести демократию и свободу» [1, с. 569–570]. Но с точки зрения Завахири, г-н Блэр описывает не новый вид колониализма – в действительности это старое викторианское «время белого человека» Р. Киплинга.

С точки зрения исламистов Аль-Кайды, ООН – репрессивная организация в отношении исламских государств. Она создала Израиль и ослабила исламский мир, разбив его на множество государств и мини-государств. Согласно бен Ладену, борьба должна быть ради одного – Аллаха. Это не должна быть победа этнических групп или победа неисламских режимов в арабских государствах. Арабская нация заявляет, что западная модель не имеет религиозной основы, не имеет право на существование. Мир, который создал Запад, – это колониализм. Поэтому общей целью джихада является уничтожение западного колониализма, а средством поражения – уничтожение этнических государств. На основе разрушенной системы будет построено исламское государство. По аналогии с «перманентной революцией» Л. Троцкого лидеры Аль-Кайды в своих планах видят построение исламского государства в одной стране (например, Палестине или Египете), а затем расширить его границы. Этим Аль-Кайда отличается от ХАМАС и ХЕЗБОЛЛАХ, целью которых является освобождение и создание этнического государства. Представители ХАМАС обвиняют Аль-Кайду в авантюризме, называя ее деятельность разрушительной и изоляционистской, выступают против распространения джихадизма на оккупированных территориях, особенно против создания Хизб аль-Тахрир, чья идеология совпадает с основными положениями Аль-Кайды. Исламисты Аль-Кайды подчеркивают, что невозможно осуществлять джихад на светской националистической основе, в которой нет шариата. Если каждый палестинец – мусульманин, то его обязанность помочь тому сообществу, которое осуществляет джихад. Палестина будет освобождена не выборами, а джихадом, по пути Аллаха.

3. Существующему государству анархисты противопоставляют свой идеал. Целью Аль-Кайды является построение Исламского халифата. В видении Аль-Кайды халифат мог бы быть определен как территориальное пространство, освобожденное от границ этнического государства и управляемое шариатом. Исламское правление будет уважать права своих граждан, будет бороться с коррупцией, распространять правосудие и равенство,

куда придут обиженные и ищущие правосудия на земле. Но Аль-Кайда акцентирует внимание на насилии как средстве достижения своего идеала, как и анархисты (по мнению Джелвина) подчеркивали инструментальную функцию насилия. Акты насилия могли бы нанести удар по символам государственной власти, показав их уязвимость. В этом ключе Аль-Кайда нанесла удар по башням-близнецам в Нью-Йорке. Этим самым она разрушила мифы об американском величии, национальной безопасности, миф о ЦРУ и т. д.

Таким образом, Джелвин делает вывод о том, что джихадизм Аль-Кайды действительно соответствует основным положениям анархизма. Фактически он утверждает, что джихадизм Аль-Кайды – своего рода анархизм. Правда, он делает оговорку, что такую специфическую историческую аналогию надо делать с осторожностью, только опираясь на его определение анархизма.

Следующий автор – М. Торап – в своей работе рассматривает анархистов и партизан как предшественников современного терроризма. Он исследует их различные отношения к государству и государственной власти (стремление анархистов – уничтожить его, цель партизан – захват власти). Общим для них является то, что достичь своей цели можно только путем насилия. Последняя глава посвящена исламистскому терроризму «Является ли он детищем анархистов и партизан?» [2, с. 333].

Характеризуя анархистов и партизан, Торап отмечает их общность в том, что и те и другие являются собой пример нерегулярных вооруженных сил и асимметричной войны. Но главное, что их отличает, – это время, в котором они существовали. Пиком активности анархистов был XIX в. Партизаны становятся мощной силой в борьбе за свободу от колониальной зависимости начиная с 1960-х гг. Хотя известными являются факты партизанской борьбы против фашистов в годы Второй мировой войны в СССР. Антикommунистическую борьбу вели и партизанские отряды, выступающие на стороне фашистов, – «бандеровцы», «лесные братья» (прим. автора. – Н. Н.). Но и анархисты, и партизаны не стали историей, так как пережили периоды славы и позора. Анархисты вдохновили на насилие молодежь 1960-х гг. ростом таких террористических группировок, как «Метеорологи» в США и «Движение 2-го июня» в Германии.

В отличие от Джелвина, Торап не считает анархистов эпизодом в истории и что их идеология была связана только с насилием. Он указывает на такие разработанные анархистами доктрины, получившие печальную известность, как «пропаганда делом» и «философия бомбы». Именно они были полностью реализованы на практике серией убийств коронованных особ и видных государст-

венных деятелей. Автор, чтобы подчеркнуть, что анархизм действительно являлся угрозой для Европы, делает ссылку на статью в британском журнале 1890 г.: «Анархистский терроризм стал эпидемией... почти столь же таинственной и универсальной, как грипп, против которого полицейская предосторожность столь же бесполезна, как примочки против гриппа» [2, с. 335]. Торап, в отличие от Джелвина, уделяет много внимания анализу деятельности анархистов (репрессии государственной власти против анархистов, внедрение агентов и провокаторов в их среду, ссылки на положения работ М. Бакунина, П. А. Кропоткина, «Катехизиса революционера» С. Нечаева), подчеркивая, что насилие не является их основной целью.

М. Торап выделяет два типа партизанской войны: а) борьба партизан за независимость родины от иностранных захватчиков; б) революционная борьба против внутренней государственной власти как тиранической. Так, например, Мао Дзедун отмечал, что партизанская борьба за независимость перерастает в революционную борьбу: «Победа является неотделимой от политической цели войны – чтобы вытеснить японский империализм и построить новый Китай на свободе и равенстве» [2, с. 343]. Поэтому, с одной стороны, партизанская борьба является законной – освобождение родины, с другой – нет, так как выступает противником существующему политическому режиму. Че Гевара говорил, что небольшие партизанские отряды в ходе непрерывной борьбы, в конце концов, вырастают до регулярной армии. Триумф, победа всегда являются результатом регулярной армии даже в том случае, когда она вырастает из партизанских отрядов.

Нерегулярные вооруженные силы (партизаны) часто обвиняют в терроризме. К. Маригелла, теоретик городской партизанской войны, считал, что путем терактов необходимо создать в стране революционную ситуацию. По его мнению, надо бороться против власти, чтобы сделать повседневную жизнь людей невыносимой, посеять в обществе хаос и панику. Маригелла – сторонник позиции инструментального определения терроризму. Государство отвечает террором на террористические акты партизан.

Между анархистами, партизанами и Аль-Кайдой Торап проводит параллели. Самая важная параллель между Аль-Кайдой и анархистами – доктрина «пропаганда делом» [2, с. 348]. Усама бен Ладен говорил, что разрушение башен повлекло другие события, более важные: западная цивилизация, ее ценности, поддержанные Америкой, потеряли привлекательность. Огромные башни, которые проповедовали свободу, права человека, равенство, были разрушены. То, что решительно объединяет

все радикальные движения, – это потребность доказать ложное существование системы, которая находится в состоянии войны против общества, делая борьбу против государственной агрессии защитной реакцией. Буш верил существующей «войне», начатой после 11 сентября Аль-Кайдой, тогда как Аль-Кайда верит войне, начатой много десятилетий назад, как не разрушенной системы колониализма и репрессий Запада [2, с. 348–349].

Другая связь анархистов и исламистов – это их явный межнациональный характер.

Различие состоит в том, что со стороны государства и международной государственной системы в отношении анархистов следуют репрессии и изгнание. Большинство анархистов были радикалами до изгнания и оставили свою родину, тогда как исламисты, совершавшие теракты в Европе, радикализировались в иммигрантской среде, в общинах европейских стран.

Торап делает различие между регулярной армией, задача которой состоит в защите территории государства, и партизанами и террористами, для которых важным является время, а не территория. Партизаны в своей тактике работают согласно времени, они побеждают, если выживают, тогда как государство побеждает, если его поддерживает население и закон. Но конечная цель для партизан не просто выживание, но завоевание государственной власти. Не так обстоит дело с Аль-Кайдой не потому, что ее борьба была менее успешной в смысле завоевания территории, а потому, что для нее место (территория) – часть борьбы вне любого фактического поля битвы, в вечности, делая одно из столкновений, как борьбу в глобальной конфронтации с «крестоносцами» и «исламом». Это также означает, что время более важно, чем завоевание территории любого государства. Это никогда не удовлетворит радикальных исламистов. В этом смысле для Торапа Аль-Кайда соответствует анархизму [2, с. 350].

Тактику Аль-Кайды можно охарактеризовать как тактику нерегулярных вооруженных сил. В своей речи 23 августа 1996 г. Бен Ладен говорил: «...из-за неравенства между нашими вооруженными силами и вражескими силами подходящим будет использование быстро передвигающихся легких сил, которые работают в полной тайне. Другими словами, чтобы начать вести партизанскую войну» [2, с. 350]. Аль-Кайда принимала участие в классической партизанской войне в Афганистане, Ираке (?), также как исламисты были в Боснии и Чечне. Несмотря на то, что исламистские группировки борются партизанским способом и заявленные цели, возможно, являются исламистскими, но призыв их национальный – национальное освобождение. Невозможность обеспечить себе поддержку

населения в своих странах, чтобы свергнуть светские режимы и установить исламское правление, заставляет Аль-Кайду и исламистов искать «дальнего врага» – Америку, Израиль, Запад.

Что главным образом отличает исламистский терроризм (по крайней мере, в его варианте Аль-Кайды) от анархистов и партизан – вера в то, что при помощи террора можно достигнуть победы. И анархисты, и партизаны видят террор предварительным оружием перед фактическим массовым восстанием [2, с. 351]. Таким образом, для М. Торапа Аль-Кайда так же, как и для Джелвина, является современным аналогом анархистов.

Обратимся к тем замечаниям, на которые указали исследователи, изучив работы предыдущих авторов.

Джелвину оппонирует Р.Б. Дженсен. В своей статье он обращает внимание на то, что среди авторов обычно присутствуют те, которые кое-что знают о ближневосточном и исламистском терроризме, другие же знают кое-что об анархистском терроризме. Себя он причисляет к последней категории, его областью экспертизы является терроризм XIX столетия.

Прежде всего он обращает внимание на то, что Джелвин не делает никакого различия между анархистами и анархистскими террористами. Это замечание совершенно верно. Не все анархисты являлись бомбометателями. Один из теоретиков анархизма П.-Дж. Прудон сомневался и отрицал насилие. Он заявлял в 1848 г.: «Убийство людей – худший метод для того, чтобы сражаться с принципами. Только через идеи мы одержим победу над идеями» [3, с. 589].

Далее он отмечает, что возможно Джелвин и прав, утверждая, что Аль-Кайда, подобно анархистам, ставит целью уничтожение государственной системы (для исламистов западной). Это положение является сопоставимым с анархистскими обвинениями правительства, капитализма и церкви как источников притеснения человеческой свободы.

Бен Ладен видел в национальном государстве западную империалистическую структуру, в которой нет религиозной основы, притесняющей исламский Восток, начиная с Первой мировой войны. Он также осуждал ООН как инструмент иудейско-христианского заговора. Вместо национального государства Аль-Кайда и ее последователи хотят учредить Исламский халифат, царство правосудия на земле, где будет только один абсолютный суд шариата, куда войдут все области, входившие в прошлом в исламское государство.

На наш взгляд, в этом и заключается серьезное, если не главное, отличие Аль-Кайды от анархистов. Джелвин же видит только общее: что и анархисты, и Аль-Кайда были против государства. Но

и в этом прослеживается различие. Для анархистов, как российских, так и европейских, важным было уничтожение государственной системы как таковой без построения другой государственной системы. Социальным идеалом российских анархистов было общество, основанное на «свободной федерации» крестьянских и рабочих ассоциаций, коллективно владеющих землей, орудиями труда. А процесс производства и распределения продуктов труда также носил бы коллективный характер [6, с. 95].

Более того, большинство анархистов не интересовались религией, которую они считали врагом человеческой свободы и репрессивным институтом.

Дженсен пишет, что даже если анархизм и имеет некоторые аспекты светской религии, то сами анархисты не предлагали создать супергосударство (как идеал). Исламское супергосударство подразумевает существование единственного халифа, который был бы вдвойне анафемой для любящих личную свободу анархистов [3, с. 590]. Фрагментация властных полномочий в свободной федерации анархистов является яркой противоположностью великому Исламскому халифату.

Мы считаем, что существование шариата как единственно правильного закона тоже противоречит анархизму, так как анархисты были противниками любых законов и судов.

С нашей точки зрения, противоположным является и отношение к прошлому. Исламисты ностальгически идеализируют свое прошлое. Анархисты констатировали факты сопротивления государственной власти – в крестьянских общинах, гильдиях и свободных городах в Средние века. Более того, анархисты были сторонниками научных достижений, технологий и образования, так как в них видели источники освобождения людей от политических, экономических и религиозных предрассудков. Мы считаем, что их программа была конструктивной.

Дженсен также сомневается в том, что Аль-Кайда и анархисты признают насилие ради насилия. Знаковый теракт, уничтоживший башни Центра международной торговли, был разработан с целью сплочения мусульман вокруг Аль-Кайды, что стало мощным магнитом, привлекающим недовольных мусульман во всем мире. Этот теракт не следует считать примером насилия ради насилия [3, с. 591]. Что касается анархистов и насилия, то в основном они были цареубийцами. Дженсен отмечает только один совершенный теракт ради насилия и для «рекламы» – убийство австрийской императрицы итальянским анархистом, который хотел стать известным и считал себя несчастным и бедным [3, с. 591]. Например, действия большинства итальянских анархистов носили некоторый

оттенок символической мести, и они выступали против государственных политиков и полицейских. Эти теракты не были бессмысленными действиями. Он приводит много фактов из европейской истории и подчеркивает, что анархистские террористы не совершали насилие ради насилия. Далее, в отличие от анархистов действия Аль-Кайды – это не социальный, а антиимпериалистический ответ Западу. Ее происхождение связано с «успешным изгнанием российских империалистов из Афганистана» [3, с. 593]. Поэтому сопротивление Аль-Кайды более напоминает борьбу ИРА, алжирцев и других террористов, начиная с 1920-х по 1960-е гг. Тем не менее, по мнению Дженсена, подобие прослеживается в возможностях и стилях насилия, используемых Аль-Кайдой и анархистами. И те и другие выбрали очень символические объекты – Центр международной торговли и Пентагон Аль-Кайдой и оперный театр в Барселоне во время спектакля «Вильгельм Телль» (что тоже символично) – анархистами.

Он обращает внимание и на террористов-смертников. Первым террористом-смертником современной эры был убийца российского императора в 1881 г. (хотя он не был анархистом). А. Беркман, российский еврей, иммигрант в Америке, планировал покончить жизнь самоубийством после того, как безжалостно убил руководителя подавления забастовки рабочих сталелитейного завода. Э. Генри, молодой французский анархист, который был ответственным за смерть пяти полицейских и убийства 21 человека в парижском кафе в 1894 г., мучился в угрызениях совести и пытался себя убить.

И наконец, Дженсен обращается к положению Джелвина о децентрализованности организаций тех и других. Он отмечает, что Аль-Кайда представляет собой свободную коалицию групп, где каждая с собственной командой, управлением, контролем и структурой коммуникаций. Ее филиалы находятся в Испании, Индонезии, Ираке и т.д. Дженсен утверждает, что говорить о децентрализации анархистов можно только частично, несмотря на то, что теракты они совершают в одиночку, некоторые факты говорят об их четкой организации. Так, например, в конце апреля 1919 г., 30 бомб были отправлены в адрес различных высокопоставленных лиц – генеральному прокурору Верховного Суда, мэрам, конгрессменам, агентам Федерального бюро расследований. Предполагалось, что эти посылки они получат 1 мая, в Международный день труда, но из-за сбоя в работе почты бомбы-посылки взорвались почти одновременно 2 июня 1919 г. в семи городах, в домах различных должностных лиц, включая генерального прокурора. Апогеем этой волны организованного анархистского насилия стал взрыв на Уолл-стрит 16 сен-

тября 1920 г. Это был самый ужасный теракт в американской истории (погибло 33 человека, 200 было ранено) до взрыва бомбы в Оклахома-Сити в апреле 1995 г. (погибло 168 человек, в том числе 19 детей, ранено свыше 500 человек). Хотя личность человека, подожившего бомбу, никогда не устанавливалась, некоторые историки считают, что это был М. Буда – итальянский иммигрант, анархист, который объяснял причины этого теракта мстостью за преследование своих друзей анархистов и убийством Сакко и Ванцетти.

Несмотря на некоторые общие черты (террорист защищающийся, децентрализованность структуры организации и т. п.), Дженсен делает вывод, что антиимпериалистическая направленность борьбы Аль-Кайды отличается от антигосударственной и антиобщественной борьбы анархистов.

Следующий автор – Биндер – обращаясь к статье Джелвина, в первую очередь подчеркивает различие между целями анархистов и Аль-Кайды. Для бен Ладена главной обязанностью мусульманина является джихад, и эта борьба оправдана, даже если победа маловероятна. Повиновение закону Аллаха – это сущность ислама. Возрождение халифата по сравнению с верой и джихадом вторично. Биндер задается вопросом: «Это делает бен Ладена анархистом?» [4, с. 587]. Сосредоточив внимание на различиях, Биндер полагает, что ортодоксальный ислам рассматривает правительство основным компонентом социальной организации. Мусульманское сообщество невозможно без лидера-имама. Как говорится в одном из хадисов, если вас было трое, вы должны назначить одного человека эмиром. Об этом свидетельствует и Коран, когда Аллах благословил пророка, то сказал ему о том, что если бы он оказался в стране без правителя, то отступил бы от этого места. Наличие правителя и самого государства в корне отличается от анархизма [4, с. 583]. Биндер говорит о том, что бен Ладен часто использовал тексты из Корана с целью обвинений в адрес отступивших от веры исламских правителей и для частых осуждений евреев и христиан.

Мы считаем справедливым замечание Биндера по поводу отношения к государству различных течений в исламе. Сунниты и шииты, по его мнению, поддерживают светское государство, но среди них существуют различия – предписывает ли ислам, что правительственные учреждения являются законными и должна ли быть первичной функцией государства поддержка и исполнение предписаний шариата, должны ли должностные лица государства обладать интеллектуальными способностями и иметь особую мораль? Коран об этом умалчивает. Например, Али абд-аль Разик был лишен диплома, так как отрицал, что государство, установленное пророком, было моделью идеального

исламского государства. Ибн Хальдун настаивал на том, чтобы религия была политизирована [4, с. 583]. Но ибн Хальдун также утверждал, что правительству необходимо решать важные религиозные задачи, даже если оно не соответствует модели справедливо управляющих халифов, ранних исламских государств [4, с. 583]. Шах Мухаммад Абдах, Великий муфтий Египта, утверждал, что Коран положил для мужчин принципы, которыми они должны руководствоваться в реализации своих интересов. Правосудие опирается на эти принципы, обеспечивая общественный порядок. Правосудие Корана превосходит все законы наций [4, с. 583]. Далее Биндер обращает внимание на высказывание Аймана Завахири, для которого Египет – место сражения между теми, кто установил режим Мубарака, с теми, кто борется за исламское государство. Опыт борьбы исламистов в Египте – это исламский опыт. Глобализация джихада является результатом поддержки США режимов Египта, Саудовской Аравии и т. д. Айман Завахири утверждает, если завещанием Аллаха является Египет с его весом в исламском мире, то он может вести исламский мир в джихаде против Запада. И Биндер задается вопросом: «Это делает бен Ладена и Завахири анархистами?» Более близкими к анархистам Биндер считает хариджитов. Для них лидер, которого они выбирают сами, обладает полномочиями, чтобы усмирять конфликты, опираясь на Коран и быть военным вождем. Сунниты считают это движение в исламе ересью. Однако сами хариджиты называют себя истинными мусульманами, а других считают отступниками, заслужившими смерть.

С точкой зрения следующего автора, оппонировавшего Джелвину – Г. Эзенвейна, мы солидарны. Поэтому, подчеркивая наше несогласие с положениями Джелвина, мы будем отмечать и суждения Эзенвейна.

Во-первых, вызывает наше недоумение утверждение Джелвина, что нет общепринятого понятия и определения анархизма. В отличие от Джелвина, Эзенвейн рассуждает о том, что к понятию анархизма можно отнести естественное состояние, где люди не подчинены законам и нет никакой власти. По его мнению, большинство исследователей соглашались с тем, что анархизм является прежде всего моральной доктриной, заинтересованной в максимизированной личной свободе индивидов в обществе. Он справедливо замечает, что анархизм является монолитной идеологией, в отличие от Джелвина, который, обращаясь к событиям 1960 – начала 1970-х гг., считал анархизм скорее нормативной силой, для которой не характерно какое-либо последовательное накопление идей и теорий [5, с. 598].

Во-вторых, общепринятым, как для отечественных, так и для ряда зарубежных исследователей, является точка зрения, отрицающая доминирование террористического насилия в анархизме. Вспомним некоторые положения из трудов М. Бакунина. Он с осторожностью относился к терроризму и предостерегал революционеров от увлечения терроризмом. Он писал, что политическая резня оказывалась бессильной против привилегированных классов. М. Бакунин считал, что нужно сначала разрушить собственность и государство и тогда не придется уничтожать людей, обрекать революционеров на неминуемую и неизбежную реакцию со стороны государства, без которой не обходилось массовое убийство людей. В письме А. И. Герцену он упрекал его за недостаток сочувствия к молодому революционеру (Д. Каракозов, совершивший покушение на Александра II), обреченному на гибель, но тем не менее критиковал избранный им метод террора. То же можно сказать и о «заговорщичестве». Организация революционеров не должна подталкивать революции. Она должна только, во-первых, помочь рождению революции, распространяя идеи в массах, соответствующие их инстинктам, во-вторых, организовать нечто вроде вооруженного главного штаба для армии народа. Заговорщическим в этом случае можно считать тот факт, что партия будет рассматриваться как организация, стоящая вне народа.

В-третьих, Желвин или не знает, или сознательно упускает из виду положительные черты анархизма – самодисциплина, сотрудничество, взаимная помощь, солидарность и глубокое уважение в отношении природы. Поэтому, как считает Эзенвейн, Желвин не принимает во внимание ненасилиственные взгляды анархистов, не может идентифицировать их с признанными в академической литературе фактами. Например, в течение Гражданской войны в Испании (1936–39 гг.) анархисты способствовали образованию самоуправляющихся общин, установлению образовательных центров для бедных, неграмотных крестьян и рабочих, развитию общественных ассоциаций, осу-

ществляющих помощь бедным. Они стремились к установлению различных добровольных структур, необходимых для обеспечения функционирования самоуправляющегося общества. Ясно, что эта историческая сторона анархизма не соответствует тем положениям, которые построил профессор Желвин [5, с. 599].

В-четвертых, возможно, озабоченный установлением связей между анархизмом и радикальным джихадизмом, Желвин полагает, что исторические примеры анархистского насилия подобны злодеяниям Аль-Кайды и другим исламистским группировкам XXI в. Однако, на наш взгляд, это заблуждение. Используя террористическую тактику, анархисты имели в виду иные цели, чем исламисты. Если исламисты используют насилие с целью запугать и принудить правительства Запада прекратить свою политику «интервенции» по отношению к мусульманскому миру, то анархисты обратились к терроризму как средству подрыва социально-экономических структур репрессивного государства. Если бы война Аль-Кайды против граждан западных государств закончилась бы в силу изменения политики правительств этих государств, то анархисты не прекратили бы борьбу против капиталистической системы до полного ее разрушения.

В-пятых, анархизм основан на рационализме и не имеет ничего общего с иррациональной субъективной системой веры, что является основой насилия для Аль-Кайды. Анархисты отвергали религию и настоятельно выступали против догм любого толка. Эзенвейн не считает оправданным отрицать ценность сравнений между анархистами и Аль-Кайдой, но он убежден, что не следует искать такое подобие в идеологическом поле [5, с. 599].

Конечно, и Аль-Кайда, и террористы-анархисты имеют некоторые общие черты – международная известность, опасения и страх общества, жертвы от бомб анархистов, убийства и хаос от действий Аль-Кайды, однако мы считаем, что суждения об их подобию неоправданны и преждевременны.

Список литературы

1. Gelvin J. L. Al-Qaeda and anarchism: a historian's reply to terrorology // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, iss. 4. P. 563–581.
2. Thorup M. The Anarchist and the partisan – two types of terror in the history of irregular warfare // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, iss. 3. P. 333–355.
3. Jensen R. B. Nineteenth century anarchist terrorism: how comparable to the terrorism of Al-Qaeda? // *Ibid*. P. 589–596.
4. Binder L. Comment on Gelvin's essay on Al-Qaeda and anarchism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, iss. 4. P. 582–588.
5. Esenwein G. Comments on James L. Gelvin's "Al-Qaeda and anarchism: a historian's reply to terrorology" // *Ibid*. P. 597–600.
6. Наливкина Н. В. Спецкурс «Политический экстремизм: история и современность» в изучении политологии // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2000. Вып. 5 (21). С. 93–98.

Наливкина Н. В., кандидат философских наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nadya_kanova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 09.02.2012.

N. V. Nalivkina

COMPARISON OF AL-QAEDA WITH ANARCHISTS: VIEWPOINT IN MODERN TERROROLOGY

In this article the author considers the concept which has appeared recently in modern terrorology. A number of authors prove, that modern Islamic terrorists are similar to anarchists. Professor Gelvin's article situates Al-Qaeda and similar jihad movements within the category of anarchism. They long time have been associated with bombs and outrage and acts of violence that it causes desire to lead, to draw parallels between the anarchists of the nineteenth and twentieth centuries and contemporary terrorists.

Other researchers cautiously concern to such point of view. They criticize some positions, address to historic facts. A task of the author of article became the analysis and criticism of weaknesses of this concept. The author considers that this predictive judgment has been formed prematurely.

Key words: *terrorology, terrorism, Al-Qaeda, anarchism, jihad, caliphate, islamists, partisan.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: nadya_kanova@mail.ru